DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-62-74 ВАК: 08.00.05, 22.00.08

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ (COVID-19)

Г.И. Осадчая[1a], М.Л. Вартанова[2a]

[a]Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт демографических исследований

АННОТАЦИЯ:
Международная миграция – важнейший фактор формирования единого интеграционного пространства, ибо она оказывает влияние на уровень жизни населения, социально-экономический и демографический потенциал государств – членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Именно это определяет значимость мониторинга тенденций миграционных процессов. Однако, несмотря на увеличивающееся количество исследований в области демографических проблем ЕАЭС, пока остается недостаточно изучено влияние миграционных процессов на демографическую ситуацию в странах-членах, не предложены меры по его устойчивому демографическому развитию, обеспечивающему национальную безопасность каждой страны-члена и демографическую безопасность ЕАЭС. Это позволяет сделать вывод об актуальности и практической значимости темы исследования.

Основой исследования послужили труды отечественных экономистов, экспертов по вопросам особенностей, причин и тенденций развития трудовой миграции в странах ЕАЭС. В результате проведенного анализа истории и современных миграционных этапов в странах ЕАЭС авторами предлагается выявить угрозы снижения демографического потенциала союза, дать оценку влияния миграционных процессов на демографическую ситуацию в них, обосновать необходимость разработки концепции демографической безопасности Евразийского экономического союза.

Представляется целесообразным усилить наднациональную составляющую регулирующей деятельности по демографическому развитию каждого государства ЕАЭС, особенно в условиях возникшей пандемии COVID-19, обеспечивающему их национальную безопасность и демографическую безопасность союза, создав на базе Евразийской комиссии эффективно действующую постоянную площадку по проблемам демографического развития союза, разработать концепцию демографической безопасности ЕАЭС с привлечением представителей ответственных центральных и региональных госорганов, а также ведущих экспертов-демографов стран-членов.

Настоящее исследование необходимо для адекватной оценки потенциала миграционных процессов, характеризующих уровень социально-экономического развития государств Евразийского экономического союза и влияния динамики происходящих изменений на перспективу. Результаты проведенного исследования опираются на общую характеристику, особенности, причины и мониторинг макроэкономических показателей, определяющих современное состояние миграционных процессов стран ЕАЭС. Отмечается необходимость разработки мер и уточнения механизмов по обеспечению миграционной безопасности евразийского пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: безработица, демографическая безопасность, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), занятость, интеграционные процессы, миграционные процессы, народонаселение, пандемия (COVID-19), социально-экономическое развитие, трудовая миграция.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. (2021). Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19) // Вопросы управления. № 1. С. 62–74.

[1]AuthorID РИНЦ: 118648, ORCID: 0000-0002-2597-9724, ScopusID: 35737719800, ResearcherID: G-2163-2017
[2]AuthorID РИНЦ: 680162, ORCID: 0000-0002-9853-5817

Обоснование научной новизны и значимости проведенной работы

Вопросам изучения теоретических и прикладных аспектов демографического потенциала, развития, демографической безопасности посвятили свои научные труды российские и зарубежные ученые. Демографическая ситуация, особенности изменений демографического потенциала стран-членов, возможные перспективы развития демографической системы ЕАЭС рассматривались в работах С. В. Рязанцева, О. Л. Рыбаковского, Г. И. Осадчей, Т. К. Ростовской, А. М. Егорычева, М. Л. Вартановой, С. В. Зенченко, Е. Ю. Киреева, М. В. Карманова, О. В. Кучмаевой, О. Л. Петрякова, В. А. Ионцева и др.

Народонаселение Евразийского экономического союза является его реальным стратегическим ресурсом. Динамика численности населения, их половозрастная, расселенческая структура оказывают значительное влияние на потребление товаров и услуг, развитие интеграционных процессов [19], формируют трудовые и интеллектуальные ресурсы для развития современных отраслей экономики, задают их качественные характеристики, определяют особенности формирования общего единого рынка трудовых ресурсов.

В настоящее время страны Евразийского экономического союза, обладая различной демографической динамикой, стремятся к достижению демографического оптимума, интенсивности процессов рождаемости и снижению смертности, а также обеспечению воспроизводства демографических структур и оптимальной миграции населения.

Основная часть

Как показывает анализ статистики миграционных процессов стран Евразийского экономического союза, за последние годы в Армении, Казахстане, Кыргызстане (в частности, после вступления в Евразийский союз) миграционная убыль населения сохраняется, хотя характеризуется разными темпами и причинами. Так, в Армении после 2017 года наметилась тенденция сокращения миграционной убыли. Если в 2015 г. она составила –25 900 человека, то в 2019 этот показатель достиг отметки –16 000 человек, т. е. сократилась в 1,6 раза. А в Казахстане и Кыргызстане миграционная убыль росла. В Казахстане в 2019 г. по сравнению с 2015 рост миграции составил 2,5 раза (2015 г. – 13 466 человек, 2019 г. – 32 973 человек), в Кыргызстане 1,5 раза (2015 г. – 4 229 человек, 2019 г. – 6 160 человек).

Таблица 1 – Сальдо международной миграции[3]

Table 1 – International migration balance

Страны ЕАЭС	Год				
	2015	2016	2017	2018	2019
Человек (тыс.)					
Армения	– 25,9	– 24,8	– 24,0	– 18,3	– 16,0
Беларусь	18,5	7,9	3,9	9,4	13,9
Казахстан	– 13,5	– 21,1	– 22,1	– 29,1	– 33,0
Кыргызстан	– 4,2	– 4,0	– 3,9	– 5,4	– 6,2
Россия	245,4	261,9	211,9	124,9	285,8
На 1000 человек населения (%)					
Армения	– 0,3	0,0	0,1	0,2	0,5
Беларусь	2,0	0,8	0,4	1,0	1,5
Казахстан	– 0,8	– 1,2	– 1,2	– 1,6	– 1,8
Кыргызстан	– 0,7	– 0,7	– 0,7	– 0,9	– 1,0
Россия	1,7	1,8	1,4	0,9	1,9

Отметим колебания миграционного прироста по годам в Беларуси и России. В итоге в 2019 г. в Беларуси он составил 13 870 человек, что меньше, нежели в 2015 (18 494 человек) в 1,3 раза, но больше, нежели в предыдущие годы (2016 – 7 940 человек; 2017 – 3 874 человек, 2018 – 9 362 человек). В России миграционный прирост в 2019 г. по сравнению с 2015 несколько вырос (2015 г. – 245 384 человек, 2019 г. – 285 792 человек), но имел разные значения: в 2016 г. – 261 948 человек, 2017 г. – 211 878 человек и наименьшее значение в 2018 г. – 124 854 человек (табл. 1).

Каждый период активизации миграционных процессов на евразийском пространстве имеет свои объяснения. Колебания по годам миграционного оттока в Армении, Казахстане и Кыргызстане, а также увеличение роста миграции в Беларуси и России объясняется изменением социально-экономической ситуации и политического положения как в отдающих странах, так и в странах, принимающих мигрантов [16].

В большинстве своем наиболее общими причинами миграции среди населения таких стран Евразийского экономического союза,

[3] Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. М., 2020. С. 24.

как Армения, Казахстан и Кыргызстан, являются безработица, отсутствие возможности для карьерного роста, низкий уровень располагаемых доходов, социально-экономическая и политическая нестабильность в обществе и в государстве в целом, а также личные причины (переезд по семейным обстоятельствам, по национальным признакам, получение образования, репатриация и др.) [15].

Эти субъективные мнения подтверждаются данными статистики. Так, в перерасчете на американскую валюту средняя заработная плата в Армении по состоянию на 2019 год составила в среднем $ 380 по стране и $ 419 по столице страны; в Беларуси – по $ 522 и $ 730 соответственно; в Казахстане – $ 485 и $ 698; в Кыргызстане – $ 485 и $ 698; в России – $ 733 и $ 1 452.

При этом разница по уровню безработицы стран ЕАЭС с 2015 по 2019 годы насчитывает 0,9 % от общей численности экономически активного населения. Динамика уровня безработицы в странах ЕАЭС с 2015 по 2019 годы отражена в таблице 2.

Миграционные процессы в России характеризуются в последние годы в основном негативной динамикой частично из стран СНГ, притом как миграционный приток из Украины в значительной степени уменьшился по сравнению с 2013 годом, когда наплыв мигрантов был более существенным, что, возможно,

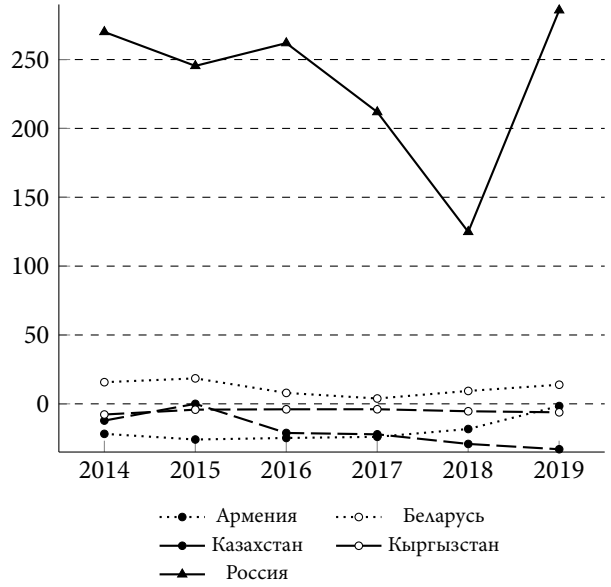

Рисунок 1 – Сальдо международной миграции (тыс. чел.)[3]

Figure 1 – International migration balance (thousand people)

Таблица 2 – Уровень безработицы (в процентах)[3]

Table 2 –

Страны ЕАЭС	Год				
	2015	2016	2017	2018	2019
Армения	18,5	18,0	17,8	20,5	18,9
Беларусь	5,2	5,8	5,6	4,8	4,2
Казахстан	5,1	5,20	4,9	4,9	4,8
Кыргызстан	7,6	7,2	6,9	6,2	…
Россия	5,6	5,5	5,2	4,8	4,6
ЕАЭС	5,7	5,7	5,4	5,0	4,8

было связано и с социально-политическими процессами, происходящими в стране исхода. Также тихими темпами продолжает снижаться миграционный поток из Молдавии. Следует отметить, что в России в настоящее время созданы благоприятные условия для перевода денег трудовыми мигрантами на родину, то есть в те страны, откуда они прибыли.

Всего за годы независимости в Армении наблюдалось три крупных этапа миграционных процессов: первый этап был обусловлен распадом СССР, трагическим землетрясением в Армении, войной на территории Нагорного Карабаха и длительной блокадой в Армении. Так, в 1991–1994 гг. уехало около 550 тыс. человек, также к ним примкнули более 350 тыс. армянских беженцев из Баку, Сумгаита и др. городов Азербайджанской ССР. Второй этап сопровождался в 1999–2001 гг., когда нетто-эмиграция составила еще около 200 тыс. человек. Третий этап начался в 2008–2010 гг. и продолжается по настоящее время. В большинстве своем все этапы эмиграции из Армении сопровождались сложным социально-экономическим и сложным политическим положением как внутри страны, так и за ее пределами (с соседями приграничных территорий). Едут в основном в Россию, США и страны Евросоюза. Отмечается, что одна из самых крупных в мире армянских диаспор находится в настоящее время в России. На протяжении многих лет власти Армении сильно озабочены сложившейся ситуацией, пытаются привлечь представителей многомиллионной армянской диаспоры, но настоящая репатриация была очень редким явлением, в основном это были сирийские армяне, бежавшие в Армению от войны в Сирии. Ряд экспертов по Армении, по-разному оценивая параметры изменений миграционной ситуации, связывали

снижение миграционного оттока населения с экономическим развитием республики за время своего членства в ЕАЭС. Однако, вооруженный конфликт осенью 2020 года, развернувшийся на территории приграничного с Арменией Нагорного Карабаха лишь усугубил возлагаемые надежды и кардинальным образом позволил лишь изменить демографическую ситуацию. Разочарование местного населения к властям лишь увеличило настроение в сторону отъезда коренных жителей в другие страны. Так, в статье С. Даниэляна отмечается, что «многие арцахцы (жители Нагорного Карабаха) собираются безвозвратно эмигрировать в Россию: мы теряем территории и генофонд»; отмечается, что «многие жители, как Армении, так и НКР собираются эмигрировать в Россию и другие страны. В этих условиях, необходимо создать госкомитеты, которые занимались бы проблемами этих людей, работали бы с Россией по вопросу обеспечения безопасности в Нагорном Карабахе и возвращения местного населения».

Что касается демографического положения в Республике Казахстан, то нарастание оттока граждан Казахстана в Россию обостряется так называемым уходом Казахстана «от широкого использования русского языка, постепенным его вытеснением из всех сфер, от образования до государственного управления, от культуры до промышленности, политикой постепенного заполнения руководящих должностей в органах государственного управления, образовании, промышленности национальными кадрами, стремлением дать детям качественное образование на русском языке, открывающем большие возможности трудится на всем пространстве бывшего Союза». По мнению ряда экспертов, «самой серьезной ошибкой в сфере образования является переход с кириллического алфавита на латиницу» [8].

Довольно сложная ситуация с трудовой миграцией в Кыргызстане. Рост миграционной убыли эксперты по Кыргызстану объясняют не только бедностью, но и высокими темпами роста численности населения и молодой возрастной структурой населения, что создает условия для избытка рабочей силы. Так, в одной из Кыргызских общественно-политических газет «Central Asia Monitor» отмечается настолько тяжелое положение в плане отсутствия молодых ресурсов, что «из-за трудовой миграции в некоторых селах юга остались только старики и дети… и даже некому могилы копать – молодежь вся за пределами страны» [10]. Настолько остро стоит данная проблема перед местным населением и органами государственной власти вплоть до угрозы государственной безопасности и целостности страны.

В Беларуси в настоящее время все больше отмечается естественная убыль населения, и она нарастает, выравнивание ситуации возможно за счет миграционных потоков. Только за 2019 год в стране умерло на 26 тыс. человек больше, чем родилось. Так, по данным СМИ «Белстат», международная миграция подарила стране 9,4 тыс. дополнительных жителей и способна лишь смягчить, но, к сожалению, не остановить многолетний процесс депопуляции (рис. 2). По количеству же мигрантов можно определить, что у Белоруси два основных денежных «донора» – Россия и Польша, куда уезжают люди в поисках работы.

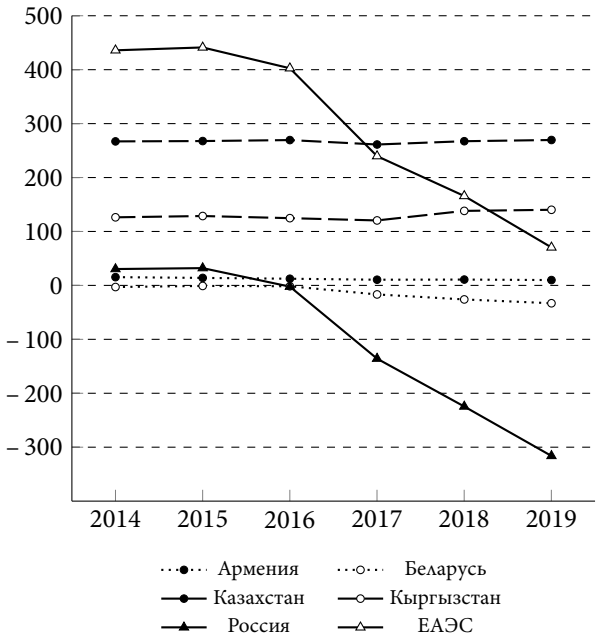

Рисунок 2 – Показатели естественного движения населения в государствах-членах ЕАЭС (тыс. чел.)[4]

Figure 2 – Indicators of the natural movement of the population in the EAEU member states (thousand people)

[4]Источник: ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/express_demography.aspx (дата обращения 04.09.2020).

Таким образом, происходящая миграция молодого резерва стран ЕАЭС представляет в последнее время все большую угрозу государственной целостности стран, потери молодых кадров. В большинстве своем и сами мигранты испытывают в значительной степени сложности, связанные с обустройством, языком и интеграцией в той стране, которую они предпочли в качестве источника для получения работы. Мигрантам приходится достаточно сложно приспосабливаться к новой среде, культуре, правилам, законам принимающего государства, которые также надо изучать и соблюдать. Но есть и положительные стороны. К примеру, «отдающие страны получают средства для поддержания повседневной жизни населения страны, уменьшают социальную нагрузку, снижают уровень социальной напряженности. Выигрывают и переселенцы, приобретая новые возможности для самореализации» [16]. Таким образом, еще одной особенностью для сохранения демографической безопасности отдающих стран является привлечение другими государствами мигрантов – квалифицированных специалистов из стран ЕАЭС.

По мнению Е. А. Ионцева, «политика сманивания», в том числе и в Россию, реализуемая в рамках миграционной политики начиная с 2010 года, приведет эти страны к тому, что они «будут обескровлены… и станут легкой добычей со стороны западных держав и в том числе Турции» [7]. Отмечается, что «в отношении высококвалифицированных мигрантов нужна согласованная миграционная политика государств-членов ЕАЭС, предусматривающая временную миграцию, учитывающая взаимную выгоду и в том числе повышение конкурентоспособности» [16].

В последние месяцы 2020 года Евразийский экономический союз (ЕАЭС), наряду с социальными и экономическими проблемами, столкнулся с разного рода политическими сложностями. По государствам-членам Союза покатилась волна политических потрясений: поствыборные протесты в Беларуси и Кыргызстане, новый виток конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Очевидно, что и ситуация с пандемией 2020 года также существенно изменит миграционные процессы в Евразийском союзе и показатели миграционного прироста/убыли. При этом следует учесть несовершенность миграционной статистики в странах-членах ЕАЭС [17], хотя ЕЭК ведет поиск новых инструментов статистического наблюдения, развивающих интеграционные процессы, способные сформировать его надежный статистический фундамент.

Проанализированные нами социально-демографические аспекты интеграционных процессов в ЕАЭС показали, что сохранение данных тенденций может привести к сокращению общей численности населения Евразийского экономического союза, а также в ряде стран численности экономически активного населения. Реальная ситуация в сфере рождаемости в государствах-членах, тенденции старения населения (табл. 3), рост, числа выбывающих работников уже в ближайшей перспективе не позволят компенсировать потери, связанные со снижением числа молодых работников. В этих условиях возможна конкуренция стран за сохранение этого ресурса стран-членов ЕАЭС [1]. Все это и требует принятия более сильных, последовательных и согласованных мер в области демографической политики.

Вторая волна коронавируса усилила турбулентность среды по всему миру. По мере распространения болезни нарастает нестабильность. Происходящие изменения вынуждают людей действовать вне привычного контекста и предсказуемых схем. Люди обеспокоены своим здоровьем и финансовым благосостоянием. Коронавирус изменил их поведение и будет, на наш взгляд, к сожалению, продолжать оказывать огромное социальное и экономическое воздействие на повседневность.

Таблица 3 – Медианный возраст населения государств-членов ЕАЭС[5]

Table 3 – Median age of the population of the EAEU member states

Страна	Возраст
Армения	33,8
Беларусь	39,5
Казахстан	29,4
Кыргызстан	25,1
Россия	38,6

[5]Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019).

Таблица 4 – Мнение респондентов о влиянии пандемии COVID-19 на повседневную жизнь в Москве молодых граждан государств-членов ЕАЭС. В жизни ничего не изменилось (в % от опрошенных)[6]

Table 4 – Respondents' opinion on the impact of the COVID-19 pandemic on the daily life in Moscow of young citizens of the EAEU member states. Nothing has changed in life (% of respondents)

Страна	Значение
Армения	34,8
Беларусь	24,6
Казахстан	26,3
Кыргызстан	31,8
Молдова	32,1
Россия	29,8
Таджикистан	20,9

При этом мы пока далеко не в полной мере понимаем суть этого воздействия, как оно скажется, как люди приспосабливаются к изменившейся жизни, к новой среде.

Наше исследование открывает возможность сделать некоторые выводы о влиянии COVID-19 на повседневную жизнь молодежи из постсоветских государств (уже являющимися членами ЕАЭС или претендующими на членство) в Москве в условиях пандемии.

Изменчивая, текучая физическая и социальная среда Москвы под влиянием COVID-19 заставляет людей адаптироваться к изменившимся схемам решений и поведения на основе индивидуальных и контекстных характеристик (физического, социального, мотивационного), меняются фреймы, используемые человеком для понимания событий и действий в рамках этого понимания, мотивация, возможности. Только 21–32 % респондентов, представляющих разные страны, отметили, что в их жизни ничего не изменилось (табл. 4).

Большинство же столкнулось с изменением физического контекста своей повседневности. Каждый седьмой опрошенный молодой гражданин постсоветских стран отметил, что он болел или болеет. У каждого третьего опрошенного, по их самооценке, социально-психологическое самочувствие ухудшилось, что объясняется тем, что у человека, попавшего в особую ситуацию, возникает эмоциональный всплеск и психологическое напряжение (рис. 3).

Как видим, ухудшение социально-психологического состояния граждан ЕАЭС чаще из всех опрошенных отмечали россияне (доля тех, у кого социально-психологическое самочувствие ухудшилось, составила 42 %). Очевидно, что реакция человека объясняется индивидуальными свойствами организма человека, его воспитанием, осведомленностью, осознанием степени опасности, моральной закалкой, психологическим состоянием. Наиболее важными оказались уровень благополучия человека до кризисного периода и глубина, острота события в субъективном восприятии каждого конкретного человека, способность ему противостоять. Возможно, этим можно объяснить оценочные суждения россиян. Они привыкли к стабильности и высокому уровню благополучия.

Особо значимыми изменения были в социальном контексте повседневной жизни молодежи (табл. 5).

Каждый десятый респондент в период пандемии потерял работу. Чаще других отмечали эту позицию граждане Кыргызстана и Таджикистана. У 34 % снизился заработок. Больше других (40 %) у граждан Таджикистана. Каждому десятому респонденту не хватало денег на питание, 9 % испытали сложности дистанционного продолжения обучения из-за отсутствия стабильного доступа интернет или необ-

Рисунок 3 – Оценка молодыми гражданами государств-членов ЕАЭС ухудшения социально-психологического состояния, появления раздражительности (ухудшилось) (в % от опрошенных)[6]

Figure 3 – Assessment by young citizens of the EAEU member states of the deterioration of the socio-psychological state, the appearance of irritability (worsened) (in % of the respondents)

[6]Источник: составлено авторами.

Таблица 5 – Изменения социального контекста повседневной жизни молодежи из постсоветских государств в Москве в условиях пандемии (в % от опрошенных)[6]

Table 5 – Changes in the social context of the daily life of young people from post-Soviet states in Moscow in the context of a pandemic (in % of respondents)

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан
Потеряли работу	9,5	8,4	9,0	13,3	11,6	12,1	15,4
Снизился заработок	29,6	34,7	35,6	35,0	31,0	32,3	40,3
Не хватало (не хватает) денег на питание	6,0	7,6	8,2	10,7	10,2	9,1	11,9
Вы не могли (не можете) дистанционно продолжить свое обучение из-за отсутствия стабильного доступа в сеть Интернет и необходимого оборудования	7,9	7,6	8,2	8,4	12,2	7,7	9,0
Вы не могли (не можете) вернуться в Вашу страну/родной город	16,8	21,0	20,1	20,8	15,1	4,8	28,1

ходимого оборудования. Около 18 % не могли вернуться в страну исхода или в родной город. Самая сложная ситуация по оценке респондентов сложилась у граждан Таджикистана (28 %).

Новая ситуация вызывает чувство страха. Понимание, что человек сам не может устранить отрицательное воздействие COVID, приводит к тому, что примерно пятая часть опрошенных испытывает беспокойство и раздражение, 6,5 % – страх, отчаяние и безысходность. Отметим, что все-таки четверо из десяти опрошенных сохраняют хорошее, оптимистическое (23,7 %) и нормальное, ровное (44,0 %) настроение (рис. 4)

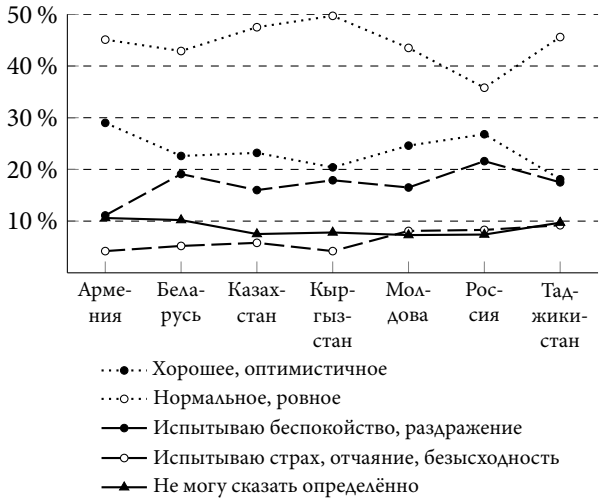

Рисунок 4 – Настроение, которое преобладает у молодежи из постсоветских государств в Москве в условиях пандемии в последнее время (в % от опрошенных)[6]

Figure 4 – Mood prevailing among young people from post-Soviet states in Moscow amid a pandemic recently (in % of respondents)

Очевидно, что качество и особенности повседневной жизни молодежи в Москве в условиях пандемии зависят не только от властей РФ, но и от совместных усилий руководителей постсоветских государств по противодействию COVID-19, от устойчивости и глубины экономической интеграции государств-членов ЕАЭС, эффективности совместных мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции и её профилактике.

Сегодня значимость повышения демографического потенциала осознается всеми государствами – членами Союза. Каждое из них проводит политику по обеспечению и сохранению демографической безопасности, увеличению уровня и продолжительности жизни. Данная политика, как правило, отражается в принимаемых странах ЕАЭС различных программ, проектов и стратегий национальной безопасности с учетом собственных приоритетов.

Первой из стран-членов ЕАЭС употребила термин «демографическая безопасность» в своих законодательных документах Республика Беларусь. Её парламентом 04.02.2002 был принят закон РБ № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь», который послужил основой для разработки и утверждения правительством Беларуси ряда национальных программ демографической безопасности. Главными приоритетами программ демографической безопасности явились рождаемость, заболеваемость и смертность, миграция, возрастная структура населения и демографическое старение. Также с 2016 по 2020

годы в Беларуси действовала государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь на 2016–2020 гг.

В России проблемы демографической безопасности решались в рамках Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где была обоснована необходимость по повышению качества жизни российских граждан, созданию благоприятных условий для увеличения рождаемости, снижения смертности российских граждан, поддержания здорового образа жизни (ст. 53) и др. В национальном приоритете «Здравоохранение» сформулирована стратегическая цель: «увеличение продолжительности жизни, снижение уровня инвалидности и смертности населения, увеличение численности населения» (ст. 18), а в число основных показателей был включен такой показатель, как «ожидаемая продолжительность жизни», что немаловажно.

Проведенная коллективом научных сотрудников ИСПИ ФНИСЦ РАН экспертная оценка упомянутого выше указа выявила и показала серьезные пробелы в возможности реализации стратегической цели по обеспечению демографической безопасности страны. Учеными подготовлены предложения по включению в стратегию отдельного направления «Сбережение народонаселения» в раздел IV, сформулированы ключевые положения обеспечения национальной безопасности по нему, предложены меры в области повышения рождаемости, поддержки семьи, снижения смертности и увеличения продолжительности жизни, миграционной политики.

Согласно Указу Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 года», работа по обеспечению демографической безопасности ведется в рамках национального проекта «Демография», включающего 5 федеральных проектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья», «Спорт – норма жизни». В качестве срока завершения их реализации обозначен 2030 год (в связи с пандемией).

Новая демографическая программа вселяет надежду на стабилизацию в предстоящее десятилетие численности населения России как самой крупной страны-члена ЕАЭС. С нашей точки зрения, очень правильно сделан акцент на экономической поддержке рождаемости, поддержке многодетных семей, семей со скромными доходами, созданию дополнительных стимулов для рождения второго и третьего ребенка. Однако управление воспроизводством населения должно включать также формирование новых социальных стереотипов в отношении рационального числа детей в семье, возраста вступления в брак, рождения первого ребенка. Необходим поиск новых подходов к использованию потенциала пожилых людей, согласование миграционных и социальных политик, нужна согласованная миграционная политика государств-членов в отношении высококвалифицированных специалистов, предусматривающая временную миграцию, учитывающая взаимную выгоду и повышение конкурентоспособности Евразийского союза в целом и каждой страны-члена.

Пока стратегическая национальная повестка всех государств-членов далеко не всегда ориентируется на интеграционные возможности регионального объединения. В связи с этим считаем необходимым а) усилить наднациональную составляющую регулирующей деятельности по демографическому развитию каждого государства ЕАЭС, обеспечивающую их национальную безопасность и демографическую безопасность Союза, создав на базе Евразийской комиссии эффективно действующую постоянную площадку по проблемам демографического развития Союза; б) разработать концепцию демографической безопасности ЕАЭС с привлечением представителей ответственных центральных и региональных госорганов, а также ведущих экспертов-демографов стран-членов.

В современной литературе под демографической безопасностью понимается демографическая безопасность страны «по сохранению должного качества (нравственного и физического) отечественного генофонда» [18]. Для оценки угроз демографическому развитию популяции ЕАЭС в общем виде могут быть использованы показатели, предложен-

ные М. В. Кармановым, О. В. Кучмаевой, О. Л. Петряковой [8].

1. Статистическое изучение численности населения (динамика показателей воспроизводства

2. Определение размещения населения по территории страны.

3. Выявление возрастного и полового состава (структуры) населения.

4. Определение основных факторов естественного движения населения.

5. Воспроизводство населения с учетом изучения смены поколений в результате естественного движения населения, в частности рождаемости и смертности.

Разработанный авторами интегральный индекс демографической безопасности территорий также может быть использован для субъектов РФ, поскольку «он позволяет комплексно оценить ситуацию, выделить наиболее уязвимые страны и причины попадания их в данную группу и определить приоритетные субъекты и направления государственной поддержки» [18].

Для разработки концепции демографической безопасности Евразийского экономического союза представляет интерес определение Л. Л. Рыбаковского: «такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства» [20].

Заключение

Международная миграция как любое социальное явление имеет свои плюсы и минусы как для отдающего, так и для принимающего общества, несет определенные риски и угрозы, что выявлено и описано в работах многих исследователей процессов евразийской интеграции [19].

Поэтому задачей Правительств стран-членов ЕАЭС и руководства Евразийского экономического союза является разработка мер по обеспечению миграционной безопасности евразийского пространства. Важный шаг в этом направлении сделан Евразийской экономической комиссией и Международной организацией по миграции, договорившихся еще в декабре 2018 года о сотрудничестве по глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. В соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 года» в настоящее время российскими учеными-экспертами активно ведется работа по обеспечению демографической безопасности в рамках национального проекта «Демография». Стоит также поддержать предложение экспертов о необходимости разработки критериев оценки миграционных потоков государств-членов ЕАЭС для эффективной реализации договора. Полагаем, что требуют уточнения и механизмы, позволяющие обеспечивать демографическую безопасность Евразийского экономического союза.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вартанова М.Л. (2019). Единый рынок услуг в рамках реализации договора о Евразийском экономическом союзе: возможности и недостатки // Экономические отношения. Т. 9. № 1. С. 49–66.

2. Глушкова В.Г., Хорева О.Б. (2014). Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Вестник финансового университета. № 3. С. 14–25.

3. Данилова И.А., Дмитриев Р.В. (2017). Возрастные структуры населения в странах ЕАЭС // Демографический потенциал стран ЕАЭС : VIII Уральский демографический форум. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. Т. II. С. 83.

4. Зенченко С.В., Вартанова М.Л. (2013). Анализ тенденций изменения потоков международной трудовой миграции в контексте мировых глобальных процессов // Региональные проблемы преобразования экономики. № 1 (35). С. 47–58.

5. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2019. С. 23.

6. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. С. 24–28.

7. Ионцев В.А., Зимова Н.С., Субботин А.А. (2017). Особенности «утечки умов» в России и сопредельных государствах евразийского пространства // Миграционные мосты в Евразии:

модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта : Материалы IX Международного научно-практического форума. Т. I. С. 42.

8. Карманов М.В., Кучмаева О.В., Петрякова О.Л. (2015). Демографическая безопасность: теория, методология, оценка // Экономика, Статистика и Информатика. № 4. С. 123–128.

9. Кенжебаев К.С. (2019). Миграционные процессы в Кыргызской Республике: риски и угрозы // Вестник дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской республики имени Казы Дикамбаева. № 12. С. 150–154.

10. Киргизия. Трудовая миграция в Киргизии. URL: http://atlasmap.ru/index.php/spr/144798 (дата обращения: 25.03.2017).

11. Кочербаева А. (2016). Особенности демографического развития Кыргызстана: проблемы, их социальные последствия и перспективы решения // Народонаселение. № 1-1. С. 16–24.

12. Куур О.В. (2020). Оценка результативности интеграционного развития государств-участников ЕАЭС: финансово-экономический аспект // Фундаментальные исследования. № 5. С. 105–111.

13. Микаелян Г. Внешняя миграция в Армении: тенденции, направления, численность. URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=6837 (дата обращения: 20.03.2017).

14. Мустафаев Н. Миграционная ситуация в Казахстане. URL: http://www.zakon.kz/66494-migracionnaja-situacija-v-kazakhstane.html (дата обращения: 25.03.2017).

15. Осадчая Г.И. (2019). Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. М. : Изд-во «Экон-Информ». 283 с. ISBN 978-5-907233-06-5.

16. Осадчая Г.И. (2018). Демографические аспекты интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе // Сотис – социальные технологии, исследования. Москва. С. 31–36.

17. Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю. (2019). Мигранты из государств-членов ЕАЭС: вклад в демографическое развитие Москвы // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Москва. С. 464–467.

18. Попов А.В., Калачикова О.Н. (2015). Интегральные индексы в оценке демографической безопасности территорий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 46. С. 56–66.

19. Осипов Г.В., Осадчая Г.И., Андреев Э.М., Юдина Т.Н., Вартанова М.Л., Киреев Е.Ю., Дробот Е.В., Селезнёв И.А., Выборнов Д.М. (2018). Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение : Коллективная монография. Москва. С. 194–253.

20. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. (2019). Демографический потенциал: из истории понятия // Народонаселение. № 2. С. 17–25.

21. Рязанцев С.В., Тер-Акопов А.А., Письменная Е.Е., Храмова М.Н. (2017). Сценарии развития миграционной ситуации в ЕАЭС в условиях усиления экономической интеграции // Аналитический вестник. № 19 (676). С. 8–18.

22. Социально-демографические индикаторы. Статистика Евразийского экономического союза. Январь–декабрь 2019 года : Статистический бюллетень. М., 2020. С. 9.

23. Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году : Коллективная монография // под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. М. : ИТД «Перспектива», 2019. 786 с.

24. Эргешбаев У.Ж., Ешенова С.Е., Муратова Ч.К. (2016). Современная внешняя трудовая миграция населения Кыргызстана // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. С. 39.

25. Osadchaya G.I., Vartanova M.L., Seleznev I.A., Kireev E.Y., Chernikova A.A. (2020). Assessing the Sustainable Growth Potential of the Eurasian Economic Union Member States' Economies, *Turismo estudos e Práticas*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Осадчая Галина Ивановна – доктор социологических наук, профессор; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); osadchaya111@gmail.com.

Вартанова Марина Львовна – кандидат экономических наук, доцент; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); 11marina11@mail.ru.

DEMOGRAPHIC SECURITY AND TRENDS IN MIGRATION PROCESSES IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

G.I. Osadchaya[7a], **M.L. Vartanova**[8a]

[a]Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute for Demographic Research

ABSTRACT:
International migration is an important factor in the formation of an integrated space, as it affects the standard of living of the population, socio-economic and demographic potential of the member states of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU). This is what determines the importance of monitoring trends in migration processes. However, despite a growing body of research on population issues of the EAEU, the impact of migration on the demographic situation in the member states remains understudied and measures for sustainable demographic development, ensuring national security of each member state and the demographic security of the Union in general, are not proposed. The above allows us to draw a conclusion about the relevance and practical significance of the research topic.

The study is based on the works of Russian economists and experts in the field of labor migration in the EAEU, particularly its specific features, causes and trends. As a result of the analysis of the history and current migration stages in the EAEU countries, the authors propose to identify threats to the demographic potential of the Union, to assess the impact of migration processes on the demographic situation in the countries, and to justify the need to develop a concept of demographic security of the EAEU.

It is important to strengthen the supranational component of the regulatory activities aimed at the demographic development of each EAEU state, especially in the context of the COVID-19 pandemic. It would ensure national security of the member states and demographic security of the Union in general. To reach this goal, it is necessary to create a permanent platform on the basis of the Eurasian Commission on the problems of the demographic development of the Union, and to develop the concept of demographic security of the EAEU with the help of representatives of the central and regional government bodies, as well as leading demographers of the member states.

This study contributes to an adequate assessment of the potential of migration processes that characterize the level of socio-economic development of the EAEU member states and outline the impact of the ongoing changes on the future. The results of the study are based on the general characteristics, specific features, causes and monitoring of macroeconomic indicators that determine the current state of migration processes in the EAEU countries. It should be noted that it is necessary to develop measures and clarify mechanisms to ensure migration security of the Eurasian economic space.

KEYWORDS: unemployment, demographic security, Eurasian Economic Union, business, integration processes, migration processes, population, pandemic (COVID-19), socio-economic development, labor migration.

FOR CITATION: Osadchaya G.I., Vartanova M.L. (2021). Demographic security and trends in migration processes in the Eurasian Economic Union during the COVID-19 pandemic, *Management Issues*, no. 1, pp. 62–74.

REFERENCES

1. Vartanova M.L. (2019). A single market for services within the framework of the implementation of the agreement on the Eurasian Economic Union: opportunities and disadvantages, *Economic relations*, vol. 9, no. 1, pp. 49–66.

2. Glushkova V.G., Khoreva O.B. (2014). Demographic security of Russia and its regions: problems and solutions, *Bulletin of the Financial University*, no. 3, pp. 14–25.

3. Danilova I.A., Dmitriev R.V. (2017). Age struc-

[7]RSCI AuthorID: 118648, ORCID: 0000-0002-2597-9724, ScopusID: 35737719800, ResearcherID: G-2163-2017
[8]RSCI AuthorID: 680162, ORCID: 0000-0002-9853-5817

tures of the population in the EAEU countries. In: Proceedings of the VIII Ural Demographic Forum "Demographic potential of the EAEU countries" (vol. 2). Yekaterinburg, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 83.

4. Zenchenko S.V., Vartanova M.L. (2013). Analysis of trends in the flow of international labor migration in the context of world global processes, *Regional problems of economic transformation*, no. 1 (35), pp. 47–58.

5. Eurasian Economic Union in Figures: A Brief Statistical Book, Eurasian Economic Commission. Moscow, 2019, p. 23.

6. Eurasian Economic Union in Figures: A Brief Statistical Book, Eurasian Economic Commission. Moscow, 2020, pp. 24–28.

7. Iontsev V.A., Zimova N.S., Subbotin A.A. (2017). Features of the "brain drain" in Russia and adjacent states of the Eurasian space. In: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Forum "Migration bridges in Eurasia: models of effective migration management in the context of the development of the Eurasian integration project" (vol. I). P. 42.

8. Karmanov M.V., Kuchmaeva O.V., Petryakova O.L. (2015). Demographic security: theory, methodology, assessment, *Economics, Statistics and Informatics*, no. 4, pp. 123–128.

9. Kenzhebaev K.S. (2019). Migration processes in the Kyrgyz Republic: risks and threats, *Bulletin of the diplomatic academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after Kazy Dikambaev*, no. 12. pp. 150–154.

10. Kyrgyzstan. Labor migration in Kyrgyzstan. URL: http://atlasmap.ru/index.php/spr/144798 (accessed 25.03.2017).

11. Kocherbaeva A. (2016). Features of the demographic development of Kyrgyzstan: problems, their social consequences and prospects for solutions, *Population*, no. 1-1, pp. 16–24.

12. Kuur O.V. (2020). Assessment of the effectiveness of the integration development of the EAEU member states: financial and economic aspect, *Fundamental research*, no. 5, pp. 105–111.

13. Mikaelyan G. External migration in Armenia: trends, directions, numbers. URL: http://www.noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID=6837 (accessed 20.03.2017).

14. Mustafaev N. Migration situation in Kazakhstan. URL: http://www.zakon.kz/66494-migracionnaja-situacija-v-kazakhstane.html (accessed 25.03.2017).

15. Osadchaya G.I. (2019). Formation of the Eurasian Economic Union: ideas, reality, potential. Moscow, Publishing house "Econ-Inform", 283 p. ISBN 978-5-907233-06-5.

16. Osadchaya G.I. (2018). Demographic aspects of integration processes in the Eurasian Economic Union. In: Sotis – social technologies, research. Moscow, pp. 31–36.

17. Osadchaya G.I., Kireev E.Yu. (2019). Migrants from EAEU Member States: Contribution to the Demographic Development of Moscow. In: National Demographic Priorities: New Approaches, Trends. Moscow, pp. 464–467.

18. Popov A.V., Kalachikova O.N. (2015). Integral indices in assessing the demographic security of territories, *National interests: priorities and security*, no. 46, pp. 56–66.

19. Osipov G.V., Osadchaya G.I., Andreev E.M., Yudina T.N., Vartanova M.L., Kireev E.Yu., Drobot E.V., Seleznev I.A., Vybornov D.M. (2018). Processes of Eurasian Integration: Socio-Political Dimension. Moscow, pp. 194–253.

20. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. (2019). Demographic potential: from the history of the concept, *Population*, no. 2, pp. 17–25.

21. Ryazantsev S.V., Ter-Akopov A.A., Pismennaya E.E., Khramova M.N. (2017). Scenarios for the development of the migration situation in the EAEU in the context of increasing economic integration, *Analytical Bulletin*, no. 19 (676), pp. 8–18.

22. Socio-demographic indicators. Eurasian Economic Union statistics. January – December 2019, Statistical Bulletin. Moscow, 2020. P. 9.

23. Osipov G.V., Ryazantsev S.V., Levashov V.K., Rostovskaya T.K. (eds.) (2019). Breakthrough strategy and digital reality in Russia. Socio-political situation and demographic situation in 2019. Moscow, PTH "Perspektiva". 786 p.

24. Ergeshbaev U.Zh., Eshenova S.E., Muratova Ch.K. (2016). Modern external labor migration of the population of Kyrgyzstan, *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics.* P. 39.

25. Osadchaya G.I., Vartanova M.L., Seleznev I.A., Kireev E.Y., Chernikova A.A. (2020). Assessing the Sustainable Growth Potential of the Eurasian Economic Union Member States' Economies, *Turismo estudos e Práticas.*

AUTHORS' INFORMATION:

Galina I. Osadchaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); osadchaya111@gmail.com.

Marina L. Vartanova – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); 11marina11@mail.ru.